

ЧАСТЬ I

Глава 1

Дорогу освещали только звезды.

Никакого другого света не было здесь уже давно, поэтому Лоле иногда казалось, что звезды в самом деле могут что-то освещать. Хотя по правде-то, конечно, она просто знала эту дорогу так хорошо, что могла идти по ней вообще без света и даже с закрытыми глазами. Она ходила по ней ровно двадцать семь лет.

Лола взошла на мостик, привычно прислушалась к однозвучному шуму воды в арыке, потом прошла мимо высокого Рустамова забора, так же привычно прислушалась к тому, как твердо постукивает спелая айва на свесившихся через забор ветках. Конечно, постукивание айвы ей только мерещилось — так же, как и то, что дорога освещена звездами. Ветра ведь не было, и плоды висели на ветках тяжело, неподвижно и беззвучно.

Наконец она прошла по асфальтовой дорожке между кустами ежевики и, доставая ключ, остановилась у двери своего дома. Дорога домой была благополучно пройдена, и, как всегда теперь бывало, Лола вздохнула с облегчением.

Как выяснилось, радовалась она преждевременно. Темная фигура поднялась со стоящей в ежевичной тени скамейки и медленно качнулась к ней.

— Долго домой ходишь, — услышала Лола и вздрогнула от неожиданности.

И тут же успокоилась: никакой неожиданности в появлении этого человека не было. Хотя и радости не было тоже. Но к отсутствию в своей жизни каких-либо радостей Лола давно уже привыкла.

— Опять ты меня караулишь, — вздохнула она. — Ну что тебе не спится, а?

Глаза ее настолько привыкли к темноте, что она различила, как лихорадочно сверкают глаза у ее собеседника, и ей все-таки стало не по себе. Вообще-то Мурод был незамысловат, и все, что он мог сказать и сделать, Лоле давно было известно. Но ведь кто его знает, не придет ли в затуманенную анашой голову что-нибудь новенькое.

— Тебя хочу, — незатейливо ответил он.

— Хочется, перехочется, потерпится, — усмехнулась Лола. — Иди спать, а то мать ругаться будет.

Обычно в ответ на это Мурод начинал ныть, уверяя, что ему хватит одного раза, и ничего ведь с ней не случится, если она ему даст, а он все сделает так, что она будет довольна, и пусть не обращает внимания, что он ростом невысокий, ведь член у него стоит хорошо, крепко... Мурод называл вещи своими именами с особенной отчетливостью, присущей человеку, который говорит на неродном языке.

— Да пошел ты!.. — рассердилась Лола. — Дай пройти, придурок недоделанный!

В конце концов, сколько можно выслушивать его хамские требования со снисходительным терпением! Раз не поставила его на место, другой, третий — вот он и наглеет с каждым днем. Вернее, с каждым вечером, когда встречает ее у двери с одной и той же опостылевшей претензией.

Обычно Мурод тащился за нею в подъезд, повторяя свое дурацкое «хочу» снова и снова до тех пор, пока она не захлопывала у него перед носом дверь квартиры. Но сегодня он был настроен иначе, не зря Лоле сразу показалось, что глаза у него сверкают как-то слишком возбужденно.

— Кого недоделанный? Меня недоделанный? — прошипел он и схватил Лолу за руки так крепко, что она вскрикнула. — Я тебе покажу, как обзывать, сука! Всем даешь — мне не даешь, целка себя показываешь?

В другой раз Лола, может быть, засмеялась бы над этими его словами — очень уж возмущенно он требовал ее благосклонности, как будто отстаивал свои законные права! — но сейчас ей было не до смеха. Мурод сжимал ее запястья так, что у нее чуть искры из глаз не сыпались, и в

его голосе вместо обычных интонаций капризного переростка слышалась настоящая угроза. Да и похоже было, что сегодня он не обкурился, как обычно, анашой, а принял что-нибудь покрепче — героин, скорее всего.

— Мурод, я устала на работе, — стараясь, чтобы голос звучал без дрожи, сказала Лола. — Пусти, я спать пойду.

— Ты со мной спать пойдешь, — все с той же зловещей, шипящей интонацией заявил он. — Ты теперь всегда со мной будешь спать, когда я тебе скажу.

Черт его знает, что такое с ним произошло, отчего он стал таким решительным! Может, просто захотел наконец самоутвердиться, настояв на своем, и даже, скорее всего, именно это. Но ей-то какая разница, что с ним произошло? Вырваться бы поскорее...

— Открывай дверь! — скомандовал Мурод.

— Как же я открою? — вкрадчиво возразила Лола. — Ты меня за руки держишь, я ни ключ не могу достать, ни даже в подъезд войти. Отпусти, Мурод, я ключ достану...

Лола надеялась, что, как только он ее отпустит, она успеет заскочить в подъезд и захлопнуть дверь. А в углу за дверью она недавно спрятала железную палку, которую можно будет вставить в дверную ручку, чтобы успеть вбежать в свою квартиру прежде, чем Мурод все-таки ворвется в подъезд.

«Опять стекла перебьет», — с мгновенной тоской подумала она, представляя себе все его действия в их унылой последовательности.

Но с разбитыми стеклами так или иначе приходилось мириться, и хорошо бы это оказалось единственной неприятностью сегодняшнего вечера.

— Думаешь, дурак, да? — хмыкнул Мурод. — Я тебя отпущу — ты опять убежишь, да? Не-ет... — протянул он с той самодовольной интонацией, которая присуща невменяемым людям, когда они восхищаются своей сообразительностью. — Ты сегодня со мной будешь спать, я сказал!

И вдруг, одной рукой по-прежнему держа Лолу за запястье, он быстро сунул другую руку в карман своих широких, поблескивающих дешевой индийской тканью штанов. Через секунду Лола почувствовала, как что-то

уперлось ей в бок — остро и злобно уперлось, так, что мурашки пробежали у нее по всему телу.

— Бье, бье! — подтолкнул ее Мурод. И повторил по-русски, как будто она не знала таджикского: — Пош-шла! Будешь вырываться, сразу ножиком порежу, поняла, да?

Что уж тут было непонятного?! И что уж тут было удивительного? Когда-нибудь даже такое ничтожество, как Мурод, должно было сообразить, что вся ее независимость продлится ровно до той минуты, пока ей хорошенько не пригрозят...

Стараясь двигаться как можно медленнее — хотя теперь-то уже понятно было, что, чему быть, того не миновать, — Лола пошла к подъезду. Мурод тянул ее за руку и одновременно подталкивал приставленным к боку ножом, и нож был такой острый, что царапал Лоле кожу — значит, уже разрезал платье.

Она всегда знала: если произойдет что-нибудь подобное, то кричать ей не надо. То есть просто бесполезно кричать, все равно никто не бросится на помощь женщине, которая ходит вечерами по улицам одна. Но только теперь, чувствуя, как нож подгоняюще упирается ей в бок, Лола поняла это как-то... по-настоящему. Что звать некого, просить не о чем и надеяться на то, что этого все-таки не произойдет, бесполезно. Противно только было, что произойдет это именно с Муродом, которого у них в классе никто не воспринимал всерьез и про которого мама всегда говорила, что такой никчемный сын послан Хасият в наказание за склочный характер.

Но, в конце концов, какая разница, с кем это произойдет в первый раз? Мурод, по крайней мере, не убьет... А тот, кто следующим захочет предъявить на нее права, может и убить — запросто. Почему же не убить, если точно знаешь, что тебе за это ничего не будет? Все достоевские вопросы решились быстро, просто и никаких особенных сомнений больше ни у кого не вызывали. Да и были ли они вообще когда-нибудь, эти вопросы, и сам Достоевский — был ли?.. Даже Лоле казалось теперь призрачным его существование, а Мурод, конечно, и прежде о нем не догадывался. И тот, кто будет после него следующим, наверняка не догадывается тоже.

— Ты все равно не сможешь, — сказала Лола. — Ты обкуренный, обдолбанный — у тебя не встанет.

Она сама не понимала, как вырвались у нее эти, явно для него оскорбительные, слова и, главное, зачем они вырвались! Скорее всего, это были просто остатки прежней... не роскоши, конечно, но хотя бы независимости, той самой, которой она с таким безнадежным упорством дорожила.

— Су-ука! — с присвистом завизжал Мурод. — Какой сука ты!

При этом он то ли случайно, от собственного вопля, то ли вполне сознательно дернул рукой, в которой держал нож. Лезвие скользнуло по Лолиному боку, и это было уже не зловещее покалывание, а резкая, режущая боль, от которой она вскрикнула — непроизвольно, бесцельно, забыв о том, что это совершенно бесполезно...

Что произошло сразу же после ее вскрика, Лола не поняла. Она вдруг почувствовала, что рука Мурода разжалась, потом — то есть не потом, а вот именно сразу же — что он уже не дышит жадно и тухло прямо ей в лицо, а кричит, но не рядом, а чуть в стороне и словно бы где-то внизу. Потом она услышала, как зазвенел по асфальту нож, и увидела, что Мурод тоже лежит на асфальте и снизу вверх изумленно смотрит на нее, громко и отчетливо матерясь. Еще через секунду Лола поняла, что и взгляд, и мат обращены вовсе не к ней. Стремительно обернувшись, она различила у себя за спиной еще одну фигуру — мужскую, высокую — и непроизвольно отшатнулась.

— Видишь, как ты девушку напугал, — услышала Лола. — От собственной тени шарахается.

— Это вы, что ли, моя тень? — поинтересовалась она.

Мужчина засмеялся и сказал:

— Нет, все-таки, видно, не очень-то он вас и напугал. Может, зря я ему помешал?

— Это уж вам решать, зря или не зря, — пожалла плечами Лола. — Я же не знаю, зачем вы вдруг взялись ему мешать.

— Ну и характер у девушки! — снова засмеялся ее неожиданный собеседник. И тут же рявкнул: — К-куда? — Теперь Лола различала его отчетливее, поэтому заметила,

что одной ногой он наступил на валяющийся на асфальте нож, а другой пнул подбирающегося к ножу Мурода. — Кинжал не надо трогать, ты с ним обращаться не умеешь, — назидательно добавил он, подбирая нож. — И вообще, вали-ка ты отсюда, как тебя — придурок недоделанный?

Он снова засмеялся. Лица его Лола разглядеть не могла — все-таки свет звезд был ведь ее выдумкой, — но смех у него был необычный. То есть, может быть, и обычный, но просто Лола давно уже не слышала такого беспечного смеха, да еще в обстоятельствах, которые явно не располагали к беспечности.

— Вали, вали, — повторил он, для верности еще раз подтолкнув ногой Мурода, который, впрочем, и так уже отползал в сторону, только что не поскуливая. — Вы в этом доме живете? — обратился этот смешливый человек к Лоле.

— А что? — настороженно переспросила она. — Собираетесь ко мне в гости?

— Ну уж! Я без приглашения в гости не хожу, — возразил он. — Я в том смысле, что про соседку вашу не подскажете? Которая на втором этаже живет, во-он там, где форточка открыта.

— Как форточка открыта? — вздрогнула Лола. — Вот дура я!

— Почему же именно вы дура? — удивился он. — Это разве ваше окно?

— Вы почему в темноте один ходите? — вместо ответа спросила Лола. — Вас могут убить, вы разве не знаете?

— А вас не могут?

— Могут любого, — кивнула Лола. — Но военного с большим удовольствием.

Еще пока он разбирался с Муродом, она разглядела и военную форму, и шеврон погранвойск на рукаве его гимнастерки.

— Начальству моему хотите настучать? — хмыкнул он. И добавил: — Ну давайте, стучите, если вам не стыдно!

В его голосе послышались такие дворовые, такие подначивающие нотки, что Лола не выдержала и тоже засмеялась.

— Так-то лучше, — удовлетворенно заметил ночной военный. — А то кидаетесь на людей, как еж какой-то.

— Разве ежи на людей кидаются? — сквозь смех спросила Лола. — Вы откуда такой взялись, а?

— Меня мама учила, что с девушками на такие темы разговаривать неприлично, — важно заявил он. — Тем более с такими восточными красавицами, как вы. Или не очень-то вы восточная красавица, а? В темноте толком не разглядеть, но язычок для трепетной розы Шираза уж больно острый.

Лола хотела сказать что-нибудь ехидное по поводу того, красавица она или нет, но вместо этого сказала совсем другое... И даже не сказала, а глупо, как девчонка, закричала:

— Ой, отойди, посмотри!..

Собеседник отреагировал немедленно, хотя и совсем не так, как она призывала. Ни отходить, ни смотреть он не стал, а вместо этого сделал какое-то стремительное, хлесткое движение — то ли разворот, то ли рывок, то ли удар, то ли все это одновременно. Мурод дико заорал и снова упал на асфальт — теперь уже не упруго, как в первый раз, а глухо, как мешок.

— Как ты его разглядела? — удивленно спросил военный. — Вот непонятливый какой! Сказал же ему... Ну, пусть теперь на себя обижается.

Он произнес это сквозь зубы; Лоле показалось, что он поморщился.

— Я его не разглядела, — словно извиняясь, объяснила она. — Я просто... как-то поняла, что он хочет сделать. У меня так бывает. — И, приглядевшись, быстро спросила: — Что у вас с рукой?

— По ножичку провел, — немного смущенно ответил военный. — И ведь уже отобрал один! Он их что, мешками с собой носит?

При этих его словах Лола почувствовала, что и у нее заныл бок, разрезанный еще первым Муродовым ножом; от волнения она об этом просто забыла.

— Пойдемте, — сказала она. — Надо вашу руку перебинтовать.

— Напросился все-таки в гости, — с явно притвор-

ным раскаянием вздохнул ее хоть и непрощеный, но очень кстати появившийся защитник. — Ладно, я ненадолго, не волнуйтесь.

Присмотревшись к нему еще внимательнее, Лола поняла, что он совсем молодой — лет двадцати с небольшим, пожалуй. Просто он был высокий и широкоплечий, потому она не определила этого сразу.

— А вы его не убили? — взглянув на неподвижно лежащего Мурода, опасливо спросила она.

— Обижаете! — хмыкнул парень и деловито поинтересовался: — А что, надо было убить? Он вам вообще-то кто? Вы с ним так по-домашнему обсуждали, встанет у него или не встанет, что я и вмешиваться не хотел.

— Да никто, — сердито ответила Лола. — Придурок недоделанный, вы же, кажется, слышали. Ну, еще — бывший одноклассник.

— Ничего ему не сделается, полежит немного и очухается, — успокоил военный. — Просто болевой шок. А ночи же теплые, не замерзнет.

Железную палку в дверную ручку Лола все-таки插вила. Неизвестно ведь, как поведет себя Мурод, когда очухается. Да и без Мурода хватает тех, кого тянет на подвиги после первой же дозы анаши. Увидев, как старательно она закрепляет железку, ее спутник хмыкнул:

— Думаете, поможет?

— Навсегда нет, но на ночь, может, и поможет, — ответила Лола. — Проходите, проходите, а то кровью истечете, — добавила она.

— Да прям уж! — засмеялся он. — Тоже мне, смертельная рана. Но, все равно спасибо.

Каждый раз, когда Лола входила в квартиру, еще даже до того как включала свет — только переступала порог, только погружалась в знакомое, любимое пространство, — ее охватывало чувство защищенности и покоя. Она сознавала обманчивость этого чувства, но его убаюкивающая сладость была сильнее того, что говорил разум. А ее усталость от того, во что превратилась жизнь, была еще сильнее.

— Посидите, пожалуйста, в комнате, — сказала она, сразу проходя на кухню. — Сейчас я воду согрею, вас перевяжу, а потом поужинаем.

— За что люблю Восток, — заявил ее спутник, — так это за гостеприимство. Привели человека с улицы, как зовут, не знаете, а ужинать — пожалуйста. Матвей меня зовут, — представился он, стоя на пороге тесной кухоньки.

— А меня Лола, — не оборачиваясь, потому что зажигала конфорку под большой кастрюлей с водой и переливала часть воды в маленькую кастрюльку, чтобы поскорее согрелась, ответила она. — Сейчас я вас перевяжу, буквально через минуту.

— Я и сам могу, — сказал Матвей. — Вы мне только бинт дайте и что-нибудь вроде йода, если есть.

— Давайте руку, — велела Лола. — Сначала помоем, а потом перевяжем.

Он послушно подошел к раковине, коротко вздрогнул, когда Лола начала лить воду ему на руку — все-таки порез на ладони был довольно глубокий, — потом спросил виноватым тоном:

— Может, не надо полотенце пачкать?

— Вы бы лучше о себе подумали, а не о полотенце. — Лола обернула его руку белой льняной салфеткой. — Что начальству скажете?

— Что ежевикой укололся, — улыбнулся он. — Вон у вас ежевики сколько возле дома. Скажу, ягоды воровал.

Он был очень легкий человек, с ним было так же спокойно, как спокойно было в квартире одной, это Лола определила мгновенно. И даже еще спокойнее с ним было, чем одной, потому что спокойствие ее одиночества давно ведь было только иллюзией, а от Матвея просто физически исходила какая-то ненавязчивая уверенность, из-за которой и возникало чувство защищенности.

Впрочем, может быть, и это чувство было иллюзорным; у Лолы не было сейчас времени в этом разбираться.

— А теперь пойдете в комнату, — сказала она. — Бинт у меня в комодке и йод тоже.

— Ух ты! — сказал Матвей, останавливаясь в дверях комнаты. — Вот это да!

Лола выдвинула ящик комодка и незаметно улыбнулась. Папина библиотека производила ошеломляющее впечатление на всех, кто видел ее впервые. Когда-то все друзья читали эти книжки, и у каждого первая реакция была именно такая — изумление.

— И Чехов синий, и Толстой коричневый, — восхищенно произнес Матвей. — Ничего себе роза Шираза!

— Еще Некрасов цвета старой слоновой кости и черный с красным Шекспир, — насмешливо добавила Лола. — А что вас так удивляет? Вы думали, я не умею читать? Давайте руку.

— Извините, — смутился он. — Я не думал, что не умеете. Просто я здесь ни у кого вообще ни одной книжки не видел, а тем более полных собраний.

— Много вы здесь могли видеть! — фыркнула Лола. — Где, интересно, вы хотели увидеть книжки, в кишлаке, что ли? Вы же в горах где-нибудь служите, наверное.

Она осторожно полила йодом его ладонь — не в рану, а вокруг, как мама когда-то учила, — и быстро перебинтовала ему руку.

— Я совсем не хотел вас обидеть, — повторил Матвей. — Я правда не ожидал, потому и ляпнул. У нас дома такой же Толстой, и Чехов тоже такой, с письмами. И Шекспир, кажется, именно черный с красным. Шекспир у нас в суперобложках, поэтому я не помню, — улыбнулся он.

— Да-да... — пробормотала Лола. — Вы посмотрите пока книжки, я сейчас...

Голова у нее закружилась так сразу и так сильно, что мгновенно стало не до Толстого и не до черного с красным Шекспира. И бок заболел тоже мгновенно, как будто Мурод провел по нему ножом не полчаса назад, а только сейчас.

«Не здесь же раздеваться, — вяло подумала она. — Не при нем же».

Держа в руках жестяную коробку с лекарствами, Лола направилась к двери. Вода, наверное, уже согрелась, и надо было взять кастрюлю, отнести ее в ванную, снять платье, посмотреть, что там на боку...

На кухне она прислонилась к стене, потом медленно съехала на пол, хотела поставить коробку с лекарствами рядом с собою, но вместо этого выронила ее из ставших какими-то воздушными рук и под жестяной грохот удивленно подумала, снизу глядя на расплывающиеся очертания кухонного стола: «И почему говорят, что руки ватными становятся? Никакими не ватными — воздушными...»

Глава 2

— ... восточные штучки дурацкие! — услышала Лола прежде, чем открыла глаза.

Голос у говорящего был сердитый. И тут же она почувствовала, как целый сноп холодных брызг обрушился ей прямо на лицо! Это было так неожиданно, что она чихнула и села так резко, как будто под плечи ее толкнула тугая пружина.

— Вы что?! — воскликнула Лола. — Вы... зачем?

— Затем, что душой не надо быть, — тем же сердитым голосом ответил Матвей; от неожиданности она сразу вспомнила, что его зовут Матвей, хотя в первую секунду посмотрела на него с недоумением. — Ведешь себя как дура из гарема, так носи хотя бы паранджу, чтоб понятно было, чего от тебя ожидать. А то — Некрасов цвета старой слоновой кости! — передразнил он.

— Вы почему так со мной разговариваете? — стараясь изобразить возмущение, спросила Лола.

— А как с тобой разговаривать? Сама вся в кровище, а царапины какие-то хватаешься перевязывать! Ты бы еще ужин побегала готовить. Как же, мужчина кушать хочет, первое дело его обслужить!

— Никто тебя не собирался обслуживать, — таким же, как у него, сердитым тоном ответила Лола. — Выметайся откуда пришел, и нечего меня тут передразнивать!

— Теперь фиг ты меня выгонишь, — невозмутимо заметил Матвей. — Тебе, может, в больницу надо. Одна пешком потопаешь или одноклассника возьмешь сопровождающим?

— Да уж, наверное, ты меня на руках понесешь, — сообразив, что лежит она не на полу в кухне, а на диване в комнате, сказала Лола.

И, не выдержав, улыбнулась. Глаза у Матвея были сердитые и веселые одновременно, к тому же они были зеленые, и, глядя в них, совсем не хотелось сердиться, а хотелось, наоборот, попросить, чтобы он перевязал ее, уложил в постель, накрыл одеялом, согрел чаю с медом и никуда не уходил.

Но, конечно, ни о чем таком просить она его не стала. Хотя не похоже было, что он сильно удивился бы, если бы и попросила.

— Спасибо, — виновато сказала Лола. — Я, честное слово, не специально, а просто забыла про это совсем. Не сердись!

— Это ты не сердись, — наконец улыбнулся Матвей. — Платье-то разорвать пришлось.

— Ладно, — вздохнула она. — Все равно оно уже разрезанное было.

Говоря это, она быстро взглянула на свой бок, к которому была приложена белая салфетка, которой она только что вытирала Матвею руку. То есть бывшая белая, потому что теперь она была вся в пятнах крови, то ли его, то ли ее собственной.

— Вообще-то ничего страшного, — сказал Матвей. — Такая же царапина, как у меня. Просто ты ведь барышня все-таки, — смешно объяснил он. — Поэтому у тебя реакция более... трепетная.

— Ну и хорошо, раз царапина. — Лола опустила ноги на пол. — Я ее сама перевяжу, а потом мы все-таки поужинаем.

— Давай, трепетная барышня, — кивнул Матвей. — Не буду тебя смущать.

Что ни говори, а платья было жалко. Оно было шелковое, легкое, как цветы на яблоне. Лола чуть не заплакала, когда бросила его, разорванное и перемазанное кровью, в тазик в ванной.

Сейчас, вечером, вода из крана, конечно, уже не шла, поэтому мылась она, поливая себе из ковшика. Обмотавшись вокруг талии бинтом, Лола надела другое платье — тоже шелковое, но таджикское, черное, в несимметричных белых полосках — и вышла из ванной.

— Может, ты легла бы все-таки? — Матвей зашел к ней на кухню совсем неслышно. — Не сильно-то я и голодный.

— Зато я сильно, — возразила Лола. — Я же после работы.

— А где ты работаешь? — тут же спросил он.

— В Оперном театре.

— Ух ты! — восхитился Матвей. — Так ты, что ли, певица?

— По-твоему, в Оперном театре одни певицы работают? — засмеялась она. — Он вообще-то Театр оперы и балета, так что балерины тоже есть. Но я не певица и не балерина, а просто бутафорша. А ты мне не мешай, пожалуйста, посиди в комнате.

— Я и не собирался мешать, — обиделся Матвей. — Может, даже помог бы. На подсобных работах.

— Все уже готово, — объяснила Лола. — В плов только рис осталось положить, и он быстро сварится, потому что рис афганский. А салат я сама быстрее сделаю, чем с твоей помощью.

— Ну, как хочешь, — кивнул Матвей и, выходя из кухни, не преминул поддеть: — Восток — дело тонкое.

Салат Лола приготовила азиатский — с помидорами, огурцами, разноцветным перцем, сладким луком, с целой горой пахучей кинзы — и, тоже по-азиатски, полила его темным хлопковым маслом. Как ни быстро готовился разваристый афганский рис, который она перебрала и помыла еще утром, перед работой, но плов, конечно, не мог быть готов одновременно с салатом. Поэтому и подавать на стол она стала по-азиатски: сначала зелень и лепешки, а потом горячее.

— И как это у вас умеют! — удивленно сказал Матвей, когда она принесла в комнату огромную касу с благоухающим салатом. — Только в дом вошли, раз-два — и стол накрыт.

— Да ничего особенного ведь не накрыто, — засмеялась Лола, доставая из буфета пеструю скатерть. — Обыкновенный салат.

— Ну, все-таки не обыкновенный, — возразил он. — Пахнет так.. Как в праздник.

— А у меня сегодня... Ну, не то чтобы праздник, но все-таки день рождения, — вдруг сказала Лола. — Я потому все и приготовила.

Она и сама не поняла, как сорвались с языка эти слова. Она вовсе не собиралась сообщать об этом Матвею. Ей казалось, если она вот сейчас, после всего произошедшего, скажет про день рождения, то в этом будет что-то...

жалкое, что ли, или непонятно какое еще. В общем, что-то неловкое. Но вот сказала же! Видно, та легкость, которую она сразу в нем почувствовала, была все-таки не иллюзорной.

— Ну вот, а я без подарка, — расстроился Матвей.

— Ты же не знал, — улыбнулась Лола. — Так что не смущайся. Ешь пока салат с лепешкой, потом плов принесу. Может, — помедлив, спросила она, — вина выпьем?

— Конечно, — кивнул он. И догадливо добавил: — Ты тоже не смущайся. Я-то мужчина не азиатский, в обморок не упаду, если ты вина хлебнешь, и с кулаками на тебя не наброшусь. Можешь даже вусмерть напиться, — великодушно предложил он. — А что, стресс-то у тебя был приличный!

«У меня таких стрессов — как снега зимой. Как в Москве твоей снега, конечно», — подумала Лола.

Но тут же старательно отогнала от себя эти мысли. Ничего в них хорошего не было, сплошной мрак, а ей сейчас совсем не хотелось мрака. Хотя бы на ближайший час. Напиться вусмерть, правда, тоже не хотелось — просто не привыкла напиваться, ни от горя, ни от радости, — но графинчик с вином она из буфета все же достала и спросила:

— Домашнее будешь пить? Оно сладкое.

— Я всякое буду, — ответил Матвей. — Отвык, правда, за два года. Тут же у вас больше по наркоте ударяют, чем по алкоголю. Великое дело традиция, — насмешливо добавил он. — Вот вино пророк Мухаммед запретил употреблять, народ и воздерживается, вина приличного днем с огнем не найдешь, а насчет травки не оставил указаний, так даже дети курят лет с пяти.

— И неправда, — обиделась Лола. — У нас сладкое вино очень хорошее, не хуже, чем во Франции. Даже лучше, наверное, потому что климат жарче. Мы вино всем двоим делали. Видел, кишмиш во дворе растет? Из него и делали каждую осень. Раньше, — уточнила она.

— Ты села бы уже, а, именинница? — сказал Матвей, наливая вино в бокалы с таким же, как на графинчике, морозным хрустальным узором. — Скатерть постелила, за-

куску поставила, вино на столе — садись, выпьем наконец за твоё здоровье и счастье.

— Особенно за счастье, — улыбнулась Лола. — Что ж, спасибо за пожелания. — Сладкое вино, сделанное из дворового винограда, стояло в буфете уже неизвестно который год, но не портилось, а только становилось лучше. — А зачем тебе моя соседка нужна? — напомнила она, отпив два глотка.

— До дна, до дна, — потребовал Матвей. — Не хочешь вусмерть, не напивайся, но до дна положено. За собственное-то здоровье! А соседке я деньги должен передать. Зое Петровне Гордеевой.

— Ой, так ты, значит, с Людкой вместе служишь! — наконец сообразила Лола; до сих пор за всеми волнениями у нее просто не было времени догадаться о таком простом обстоятельстве. — Ну, как она там у вас?

— Там у нас она прекрасно, — пожал плечами Матвей. — Она же не в рейды ходит, а бухгалтерию ведет и вообще с бумажками возится — что ей сделается? А вот вы здесь у себя, по-моему, не очень.

— Ну да, — вздохнула Лола. — Тетю Зою в больницу вчера положили. С гипертоническим кризом. Еще брать не хотели, — сердито добавила она. — Говорили: не insult же! А форточку у нее закрыть я забыла.

— Завтра закроешь, авось не влезут, — успокоил ее Матвей. — Вон решетки какие, как в зоопарке. Что у тебя, что у нее.

— Только хищники не внутри, а снаружи, — усмехнулась Лола. — Но тетю Зою ведь теперь не скоро выпишут. Все-таки подлечат немножко, раз уж положили.

— Я деньги тебе оставлю. А то я же завтра обратно на заставу отбываю. Мы с начальником на два дня только приехали, приборы ночного видения купить. Инкассатора взяли, вот деньги и появились, — объяснил Матвей.

— Как — инкассатора взяли? — удивилась Лола. — И что, можно вот так спокойно тратить... такие деньги?

— Не все, конечно, — пожал плечами он. И вдруг догадался: — А ты что, подумала, мы того инкассатора взяли, который выручку из магазина вез? — Он расхохотался так, что вино заплескалось в бокале. — Мы же бандитско-

го, ну, который в Афганистан деньги за наркоту носит! Часть денег нам на техническое оснащение и оставили. А то у них ведь, у наркобаронов, только тарелочки с неба не хватает, а у нас нету ни фиги, — объяснил он.

— Как же ты к своему начальнику собирался возвращаться? — спросила Лола. — Ночью через весь город, да еще русский, да еще в форме! Здесь тебе не Москва, знаешь ли.

— Да я вообще-то и не собирался сегодня возвращаться, — ответил Матвей. — Замотался днем, к вечеру только сюда выбрался. Думал, у Зои Петровны этой переночую, не выгонит же она дочкиного сослуживца.

— Конечно, не выгнала бы, — кивнула Лола. — Но и я не выгоню, можешь не волноваться.

— Я и не волнуюсь, — улыбнулся он. — Ты барышня самоотверженная — перевязываешь защитника родины, пловом угощаешь...

— Ладно-ладно, без намеков, про плов я и так помню, — засмеялась Лола. — Через десять минут будет готов. Каждый сорт риса требует своего времени, своей соли и своей воды, — объяснила она. — Моя мама сырую рисинку на зуб пробовала и с точностью до минуты все это определяла.

— А где она сейчас? — спросил Матвей.

Лола не ответила, и он не стал переспрашивать.

То ли вино настоялось за несколько лет до немислимой крепости, то ли просто она, тоже впервые за несколько лет, наконец ослабила напряжение, в котором жила постоянно, — но, выпив до дна первый бокал и до половины второй, Лола почувствовала, что голова у нее приятно кружится, а перед глазами летают легкие золотые искорки. В их неожиданном праздничном сверкании все выглядело необыкновенным и прекрасным — и яркий салат на узорчатой скатерти, и хрустальный графин, и подрумяненная лепешка, от которой Матвей отламывал большие куски... Есть он хотел зверски, это сразу было видно, но точно так же было видно, что воспитание сидит в нем все-таки глубже, чем может проникнуть даже самый сильный голод.

Только тепер, расслабившись, Лола наконец разгля-

дела его получше. Да, собственно, и разглядывать было особенно не надо: что парень красавец, понятно было сразу. Одни зеленющие, как молодая трава, глаза чего стоили!

— Загорел ты сильно, — чуть заплетающимся языком сказала Лола. — Прямо как таджик.

— А может, я таджик и есть, — засмеялся он. — А что, памирский таджик, скажешь, не похож? У них же у всех глаза зеленые, вот как у меня. Или как у тебя, кстати. У вас тут на Памире, говорят, воины Александра Македонского в свое время нашалили, потому и глаза у народа светлые. Так что я за местного схожу без вопросов.

— Пока говорить на начинаешь, — заметила Лола. — Тут уж тебя с местным не спутаешь: говоришь по-московски.

— А ты откуда знаешь, как по-московски говорят? — хмыкнул он.

— Приходилось слышать. Как же тебя мама с папой в солдаты отпустили? — поинтересовалась она, кивнув на сержантские лычки на погонах его гимнастерки.

— А они и не отпускали. Я без спуску.

— Настоящим мужчиной хотел стать? — насмешливо спросила Лола.

— А я с самого начала настоящий был, — в тон ей ответил он. — Без дополнительной обработки.

— Тогда зачем?

— Зачем, зачем! Затем, что та жизнь, которую я вел, — та жизнь была не по мне, — сказал Матвей.

Вид у него при этих словах был серьезный, но в глазах плясали чертики.

Лола расхохоталась так, что выступили слезы, и золотые искорки, летающие перед глазами, превратились в целые озера веселого света.

— У тебя что, жена беременная? — отсмеявшись, спросила она. — Или светскую жизнь очень любит?

— Да-а, коричневого Толстого девушка читала! — Матвей покрутил головой и тоже улыбнулся.

— Экзамен окончен? — поинтересовалась Лола. — Можно плов подавать?

— Ой, можно!.. — простонал он. — Такой запах из кухни, что я сейчас сознание потеряю!

Плов она сварила не совсем обычный — с айвой, и только теперь, выкладывая на блюдо поверх риса и мяса желтые айвовые ломтики, засомневалась: а вдруг гостю не понравится такая экзотика?

Это круглое глиняное блюдо, которое любил папа, Лола не доставала из буфета лет уже, пожалуй, десять. Папа говорил, что краски, которым оно расписано — сияющая яркая лазурь и глубокая охра, — это и есть настоящий Восток: выжженная солнцем земля и невыцветающее жаркое небо.

Опасения насчет айвы оказались напрасны: Матвей набросился на плов так, что Лола еле успевала подкладывать ему на тарелку все новые порции.

— Ижвини... — пробормотал он с набитым ртом. — Я, понимаешь, ш утра не ел...

— Может, руками? — предложила Лола. Ей было так весело, как не бывало с самого детства. — Таджики ведь руками едят, так что этикет ты не нарушишь.

— Да я не умею просто, — отдышавшись, ответил он. — А то бы, конечно, руками ел. Правильный, я считаю, обычай!

— Ну, ешь, не отвлекайся, — сказала Лола. — Я чай заварю.

К тому времени, когда она внесла в комнату большой фарфоровый чайник с зеленым чаем и вазочку с абрикосовым вареньем, Матвей, кажется, наконец наелся. Он сидел, откинувшись на спинку дивана, и вид у него был совершенно умиротворенный.

— Хорошая все-таки вещь Восток, — сказал он. — Хотя, скажу тебе, развивает в мужчинах свинство.

— Не переживай, — успокоила Лола, — в тебе свинство вряд ли разовьется, так что, раз хозяйка подает, ешь и помогать не рвись. А если покурить хочешь, то кури, не стесняйся, — предложила она.

— Разве что кальян, — пробормотал он. — После такого-то плова! Но вообще-то я не курю.

— Спортсмен? — улыбнулась Лола.

— Непрофессиональный.

— А дерешься профессионально.

— Так ведь рукопашным боем занимался, — кивнул

он. — Предполагал, что в жизни пригодится, и, как выяснилось, не ошибся. Я же группой специального назначения командую, приходится соответствовать.

— Но ты ведь не офицер, — удивилась Лола. — Как же ты можешь группой командовать?

— А уже представление послали. Дефицит кадров, — усмехнулся Матвей. — Так что, скорее всего, зачтут мне первый год службы как сборы и лейтенанта дадут. Я все-таки МГУ почти что закончил, и военная кафедра у нас была.

— А почему почти что?

— Я же тебе уже объяснил: читай коричневого Толстого. Ну, обрыдло мне все, понимаешь? До того дошел, что на «бумера», красавца, и то смотреть не мог.

— На что ты смотреть не мог? — не поняла Лола.

— На машину свою. На «БМВ» то есть.

— И где же она теперь?

— В Москве, где ей быть, — пожал плечами Матвей. — В гараже стоит. Ну что ты так на меня смотришь? Думаешь, я такой дурак, что за романтикой в армию подался?

— Не знаю... — медленно проговорила Лола. — На дурака ты не похож, конечно, но странно все это... Ты появился в моей жизни, как бог из машины. Поэтому я ничего про тебя понять не могу.

— Ладно я, а вот ты-то что здесь делаешь, в этом Душанбе? — спросил Матвей. — «Войну и мир» наизусть помнишь, про бога из машины тоже... Я и не знаю, кто это такой! За каким чертом ты здесь сидишь, а? Ждешь, пока одноклассник прирежет?

— Бог из машины — это персонаж античной трагедии, — сказала Лола. — Который появлялся в финале и разрешал все проблемы. А сижу я в этом Душанбе потому, что я здесь родилась и прожила двадцать семь лет. И сидеть мне больше нигде.

— Это неправильно.

— Правильно или неправильно, но это реальность. Ты почему варенье не ешь? — спросила она. — Между прочим, довольно вкусное.

— Кто бы сомневался. Сама варила? — Лола кивнула. Матвей зачерпнул из вазочки полную ложку и отправил в

рот. — Ух ты, с ядрышками! Говорю же, хорошее место Восток. Это ж надо — косточку из абрикоса достать, разбить, ядрышко обратно засунуть, потом варенье так умудриться сварить, чтоб абрикосины с ядрышками целые были... Тонкое дело!

Лола вспомнила, как, когда она варила это варенье, слезы лились у нее по щекам, скатывались по носу и капали в большой медный таз, прямо на оранжевую пенку. Этим летом в театре не платили и обычную микроскопическую зарплату, денег не было совсем, продукты тоже кончились совсем — не осталось даже муки на самые примитивные, без ничего, лепешки, брать еду у тети Зои, которая норовила ее подкормить, было уже стыдно до обморока, но и есть хотелось тоже до обморока... Тогда она и обнаружила в глубине буфета, за стопкой салфеток, ситцевый мешочек с сахаром, стоявший там, наверное, лет сто. Сахар превратился в цельный, тверже мрамора, комок, и Лола долго растапливала его в тазу, чтобы получился сироп.

Вообще-то она никогда не варила варенье, тем более с ядрышками, но в тот день ей было так тоскливо и так хотелось вспомнить маму, что она провела целый день, колотя молотком по скользким урюковым косточкам.

Но рассказывать об этом Матвею она, конечно, не стала. Зачем об этом рассказывать — чтоб пожалел? Или чтобы, как капитан Грэй, увез в Москву на галиоте с алыми парусами?

«А на капитана Грэя он очень даже похож», — вдруг подумала Лола и невольно улыбнулась.

— Над чем смеемся? — тут же заметил он. — Ем много?

— Ты что? — испугалась Лола. — Ешь сколько хочешь, на здоровье! Сам же говоришь, я восточная женщина. Мне и нравится, когда мужчина ест.

— Что ж ты замуж не вышла? Вон готовишь как, язык откусить можно, — хмыкнул Матвей и тут же осекся: — Извини, совсем я что-то... От обжорства одурел! Не обижайся.

— На что обижаться? — пожала плечами Лола. — В Москве, что ли, все, которые хорошо готовят, замужем? Не нашлось, кто бы взял. Да я, если честно, не сильно-то и

искала. Вон, Мурод на мне жениться не прочь, — улыbnулась она. — Хорошую таджичку за такого не отдадут, да он и на плохую не заработал, чтобы калым заплатить. Значит, остается только на русской бесплатно жениться. А, кроме меня, поблизости русских не осталось. Тетя Зоя старая уже, Люда у вас на заставе...

— А почему тебя Лола зовут, если ты русская?

— Вообще-то и не совсем русская, и не совсем Лола, — объяснила она. — По паспорту Елена Васильевна. Папа у меня был русский, а мама таджичка. Она Лолой называла, и мне так привычнее.

— Давно они умерли? — помолчав, спросил Матвей.

— Папа давно, а мама не очень, — коротко ответила Лола.

Она видела, что он хочет расспросить об этом подробнее. Но, наверное, и он видел, что она не хочет об этом говорить, и не спросил больше ничего.

— Я тебе в спальне постелю, — сказала Лола. — И окно открою. Я, когда решетки ставила, попросила так окна переделать, чтобы вовнутрь открывались. У нас ведь с закрытыми окнами невозможно спать, — объяснила она. — Летом мы вообще всегда на улице спали. Там садик есть под окнами, он раньше наш был, а тот, что с другой стороны, тети-Зоин. Но они не официально наши были — просто каждый себе участок огородил, посадил что-то... В общем, теперь это все не наше. Но сейчас уже прохладно, тебе и в доме жарко не будет.

— А что это, кстати, твоего одноклассника не слышно? — вспомнил Матвей. — Давно уже должен был очухаться. Может, сходить глянуть? Как бы окна со злости не перебил.

— Он это периодически делает, — усмехнулась Лола. — А сейчас, скорее всего, просто тебя испугался. Сквозь занавески же видно, что я не одна. Он вообще-то трусливый, как шакал. Героина сегодня перебрал, вот и геройствовал.

— Лен, — почти жалобно сказал Матвей, — уезжала бы ты отсюда, а? Нет, я понимаю, советовать каждый молодец. Но чего же ты здесь дождешься-то? Пока этот при-

дурок в один прекрасный вечер последние мозги прокурит, да и... — Он махнул рукой.

— Я вечерами не хожу, — холодно произнесла Лола. — Если задерживаюсь, то в театре ночую.

— Но сегодня шла же.

— Это случайность, — еще холоднее ответила она.

Сегодня она пошла вечером домой потому, что не хотелось оставаться в день рождения — вернее, в ночь рождения — одной в огромном, пугающе пустом театре. Конечно, можно было посидеть с охранником, но не хотелось и этого. К тому же сегодня дежурил Саид, а он всегда смотрел на нее таким сально-голодным взглядом, что его общество было немногим приятнее, чем общество Мурода.

У них дома никогда не было весело, но при папе ее день рождения праздновали всегда. Хотя и без веселья, но как-то очень... нежно праздновали, трепетно — так, как папе вообще было свойственно жить. И после папиной смерти мама неукоснительно соблюдала эту традицию, хотя Лола знала, что в семье ее родителей никогда не помнили о таких пустяках, как дни рождения дочерей. Характер у мамы был скорее суровый, чем нежный, но свою единственную дочь она любила самозабвенно.

Только поэтому Лола продолжала отмечать свой день рождения, даже когда осталась одна, и когда разъехались последние подружки, и когда этот день, как и вся жизнь, перестал быть праздником.

Объяснять все это Матвею было бы слишком долго и, главное, просто неприлично. Видно же: парень порядочный — вот-вот предложит перебраться в Москву, прямо в квартиру его родителей, и кататься на его «бумере». Представив себе все это, Лола едва сдержала улыбку.

— В ванной два ведра, — сказала она. — В одном теплая вода, в другом холодная. Можешь оба выливать, я завтра еще наберу. Воду утром дают. И вообще, — добавила она, — жалеть меня не надо. Это я в твоём обществе расслабилась и стала белая и пушистая, а в принципе у меня стальные нервы и ледяное нутро. Так что беспокоиться обо мне незачем.

— Не преувеличивай, — усмехнулся Матвей. — Глаза у тебя и правда довольно... ледовитые, но насчет стального,

или какого там, нутра — это ты не подумав сказала. В местных условиях, кроме нутра, нужна элементарная физическая сила, а ее у тебя нет. Ладно, пойду мыться. — Он поднялся с дивана. — Что толку в таких разговорах? Свои мозги в чужую голову не вставишь.

— Вот и нечего время на это терять. Полотенце на крючке, — в спину ему сказала Лола. — Твое — которое белое.

— И пушистое, — хмыкнул Матвей.

Пока он, пофыркивая, плескался в ванной, Лола убрала с кровати свою постель и постелила чистую, хрустящую крахмалом. Мама всегда подсинивала и крахмалила постельное белье — говорила, что без этого оно как будто и не стирано. Лола такими изысками не занималась, но мама ведь умерла всего год назад, и накрахмаленное ею белье еще было свежим.

Она зажгла настольную лампу у широкой, с блестящими никелированными шишечками кровати, потом, прикрыв за собою дверь спальни, вышла в переднюю комнату и села за стол в ожидании Матвея.

— Я окно пока не открывала, — сказала она, когда он показался в дверях; пятна воды темнели на его гимнастерке. — Может, ты еще почитать перед сном захочешь — мошки на свет налетят. Потом, когда лампу выключишь, откроешь.

— Ладно, — кивнул он. — А...

— А со стола я сама уберу. Ты же в Азии, — напомнила Лола. — Здесь свои порядки. Вот вернешься в Москву, будешь жить по своим.

— Мысли читаешь! — Он удивленно pokrutil головой. — А также и стремления.

— Бывает иногда, — кивнула она. — Но вообще-то стремление помочь несчастной женщине написано у тебя на лбу такими крупными буквами, что слепой бы не прочитал. Во сколько тебя разбудить?

— В пять. Только будить меня не надо, я сам проснусь. Спокойной ночи, ясновидящая, — улыбнулся Матвей.

Он взял с полки первый том Толстого и скрылся в спальне, а Лола принялась составлять в стопку тарелки и

пиалы. Но тут из спальни раздался такой возглас, что она бросила свое занятие и распахнула дверь.

«Может, я окно случайно открыла и кто-нибудь в комнату влетел?» — глупо мелькнуло у нее в голове.

— Ты что? — спросила Лола, заглядывая в спальню. — Здесь мышь? В смысле, летучая, — объяснила она. — Бывает, что они на свет залетают.

— Какая еще мышь! — махнул рукой Матвей. — И без мыши есть от чего рот открыть.

— А! — догадалась Лола. — Куколок моих увидел?

— Кто это тебе таких куколок подарил? — поинтересовался он.

— Никто не подарил. Я их сделала, — пожала плечами Лола.

— Нич-чего себе! — Восхищение светилось в его глазах ярким зеленым светом. — Да ты прям этот... папа Карло! Это что, автопортрет?

Он показал на куклу, стоящую у края полки; всех полков над кроватью было пять, а кукол на них — штук двадцать. Та, на которую указывал Матвей, в самом деле была похожа на Лолу. Волосы у нее были черные и прямые, глаза зеленые и длинные, а выражение лица — холодновато-отстраненное.

— Не совсем, — ответила Лола. — Это безымянная красавица из гарема. В которую до смерти влюбился бедный юноша по имени Аль-Мутайям. Папа говорил, что была про это какая-то старинная пьеса, но она не сохранилась. Ну, и мы решили заново ее написать. Для кукольного спектакля.

— Почему для кукольного? — Восхищение сменилось в глазах Матвея вниманием.

— Потому что про такую любовь лучше кукольный спектакль делать, чем человеческий.

— Почему? — снова спросил он.

— Потому что естественнее, когда все это производят куклы. Отстраненнее, — объяснила она. — В жизни ведь такой любви не бывает, а в куклах есть что-то невозможное.

— Интересный, наверное, спектакль получился, — сказал Матвей.

— Он вообще не получился. Режиссера убили, актеры разбежались, и все развалилось. Я этих кукол уже потом, так просто, сделала. На память о себе в юности, — усмехнулась она. — А Аль-Мутайям — вот этот, видишь — на режиссера похож, который спектакль хотел ставить.

— Ты его что, любила, этого режиссера? — осторожно спросил Матвей.

— Никого я не любила. Но я себя с ними со всеми чувствовала человеком, и с режиссером этим, и с его актерами, а потом их не стало. И никого не стало. А вот этих кукол я к сказкам Андерсена делала, когда еще совсем маленькая была, — быстро отвернувшись от Аль-Мутайяма и его безымянной возлюбленной, показала она. — Вот Пастушка, вот Трубочист, а вот Снежная королева.

Воспоминание о том, как похожего на Аль-Мутайяма кукольного режиссера Тимура Сабирова убили за то, что он происходил из Тавильдары, а не из Куляба, или откуда там следовало происходить, было слишком тяжелым. А она давно уже приучила себя не предаваться тяжелым воспоминаниям, иначе не выдержать было реальных, нынешних тягестей.

— Очень профессионально, — заметил Матвей. — Да же не скажешь, что ребенок делал.

— Ты-то откуда знаешь, профессионально или не профессионально? — насмешливо поинтересовалась Лола. — В университете этому учился или в погранвойсках?

— В университете я государственному управлению учился, — не обращая внимания на ее тон, ответил он. — Начальником хотел быть. А всяких таких штук, вроде твоих куколок, я у мамы на работе посмотрелся. Она у меня искусствовед.

«У тебя же мама педагог, у тебя же папа пианист — какой ты, на фиг, танкист?» — мелькнули у Лолы в голове слова какой-то песенки.

Песенка была хоть и дурацкая, но смешная, и она улыбнулась. Впрочем, она, наверное, улыбнулась бы и без песенки. С Матвеем не хотелось быть настороженной, а хотелось болтать, что в голову взбредет, и показывать кукол, которых делала в детстве, и вспоминать, что говорил, уходя в армию, князь Андрей в «Войне и мире»...